

ЧАРНОЛУСКИЙ Владимир Иванович, родился в 1865 в селе Сачковичи Новозыбковском уезде Черниговской губернии. Окончил реальное училище в Новозыбкове, за год подготовился, сдал экзамены и получил аттестат зрелости гимназии в Полтаве. Учился на юридическом факультете Московского университета, откуда был отчислен «за издание нелегального журнала и участие в студенческих волнениях» и выслан из Москвы. В 1888 — окончил Киевский университет, призван на военную службу, после демобилизации служил земским начальником, через полгода уволен со службы. Выехал в Санкт-Петербург, занимался научно-литературной и культурно-просветительской деятельностью, с 1891 — служил секретарем в Комитете грамотности, после 1897 — один из организаторов издательства "Знание", выступал с критикой политики правительства в области образования, в начале 1900 — арестован и выслан в Архангельскую губ. После освобождения активный член "Союза освобождения"; в 1905-1907 — участвовал в деятельности Всероссийского учительского союза, был членом Центрального бюро, в 1906 — входил в Правление петербургской Лиги образования; принимал также активное участие в работе партии кадетов. В 1908-1916 — разработал демократическую программу реформирования системы образования; опубликовал ряд статей в "Русском Богатстве", "Северном Вестнике" и др. В 1917 — вошел в Комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения Временного правительства (председатель бюро и руководитель двух комиссий); член Исполнительного комитета СРД от партии кадетов, член ЦК партии. Работал также в товариществе "Задруги". В начале 1918 — отошел от политической деятельности, выехал в Новозыбков, работал в уездном отделе и Коллегии Наробраза, занимался научной работой, с 1921 — профессор Московского университета и научный консультант Наркомпроса. 23 октября 1922 — арестован как бывший член партии кадетов, 9 ноября приговорен к высылке за границу на 3 года¹. 1 ноября 1922 — освобожден из-под стражи, 11 ноября обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой, передав записку с подробным описанием причин своего ареста и приговора².

<11 ноября 1922>

«Записка профессора Владимира Ивановича Чарнолуцкого.

23 октября я был арестован по ордеру ГПУ и освобожден 9 ноября 1922 года с объявлением постановления о высылке за границу на три года, причем при допросе мне были предъявлены только следующие обвинения:

1. Обвинение в участии в "забастовке" преподавателей Московского Университета. Названная "забастовка" происходила, однако, почти год тому назад, не носила никакого политического характера и была скоро прекращена, без всяких репрессий по отношению к кому бы то ни было. Ни в одном собрании, предшествовавшем "забастовке", я участия не принимал. Только что назначенный тогда профессором Университета, я был крайне слабо ориентирован в университетских делах. К самой "забастовке" я относился отрицательно, но когда она состоялась, и занятия в Университете временно прекратились, я не явился ни на одну

¹ Высылка вместо расстрела. Депортации интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923 — М.: "Русский путь", 2005. С. 104, 108, 114, 128, 130, 172, 502.

² Исправлены некоторые ошибки согласно правилам современной орфографии.

свою лекцию. Как во время "забастовки", так и в настоящее время, насколько мне известно, ни одному преподавателю университета не было предъявлено обвинение за участие в ней, и никто не был арестован.

2. Обвинение в участии в товариществе "Заурери". Названное товарищество рассматривалось мною исключительно как кооперативная издательская организация, лишенная какого бы то ни было политического характера. Вступил я в названное товарищество для издания своих произведений, так как свое собственное небольшое издательство (при журнале "Вестник Народного Образования" в Петрограде) во время революции прекратилось.

Мое участие в делах Товарищества "Заурери" было крайне слабое, и никакого влияния на их направление я не имел, сводится оно к формальному участию, если не ошибаюсь, на 2 заседаниях Совета Товарищества. Мое участие в книжной лавке "Заурери" состояло в принятии мною, ради заработка, обязанностей консультаций по отделу народного образования, причем, я посещал лавку 2 раза в неделю, по 2 часа. Ввиду выяснившейся для меня полной бессодержательности названной должности консультанта, я от нее в июне месяце сего года отказался. Что же касается издания моих произведений, то правление товарищества не приняло к изданию ни одной из представленных мною рукописей. В виду определившейся для меня безрезультатности участия в "Заурере", с самого начала осени я начал изыскивать иные способы издания своих трудов.

Очевидно, что предъявление ко мне обоих, изложенных выше, обвинений носит чисто формальный характер и не может служить основанием для репрессивных мер по отношению ко мне. Ясно, что истинной причиной постигшей меня кары является или предвзятое общее отношение к моей личности, совершенно не соответствующее действительности, или какое-либо недоразумение, разъяснить которое, вследствие его неизвестности для меня, я никакой возможности не имею. В виду этого мне остается только представить общие данные, характеризующие мою общественную физиономию, и мою предыдущую жизнь и деятельность.

По происхождению я принадлежу к среде мелкого дворянства (Новозыбковского уезда, Черниговской губернии), моя бабка по отцу была крепостная крестьянка, а бабка по матери — немка-гувернантка. Отец был мировым посредником первого призыва. Я учился и окончил Новозыбковское Реальное Училище; активно участвовал в организации нелегальной ученической библиотеки. За один год подготовился по древним языкам и получил аттестат зрелости в Полтавской гимназии. Поступил на юридический факультет Московского Университета, участвовал в нелегальных кружках и в издании нелегального студенческого журнала, за участие в студенческих волнениях уволен и выслан из Москвы (за полгода до окончания курса). Окончил образование на юридическом факультете Киевского Университета. Отбывал воинскую повинность в Киеве, причем, вел среди товарищей-солдат нелегальную культурно-политическую работу, оставшуюся необнаруженной. По окончании военной службу, допустил ложный шаг, согласившись занять на родине должность вводимых тогда земских начальников, рассчитывая вести под этим прикрытием культурно-политическую работу среди крестьянства. Таковая работа (культурно-просветительная и борьба со взяточничеством и кулачеством) была мною развернута, но скоро для меня стала ясной ложность такой позиции. На меня последовал донос предводителя дворянства и через полгода пребывания в должности, после нескольких отклоненных мною предложений (Губернатора и Плеве) самому подать в отставку, я был уволен. История эта наделала в свое

время большой шум. В тот же период, в ответ на анкету Черниговского дворянства, я заявил о необходимости уничтожения дворянского сословия, но ответ этот не был нигде отмечен. Затем я переехал в Петроград и сосредоточился на научно-литературной и культурно-просветительной деятельности. Был активным работником Петербургского Комитета Грамотности, в котором работал по народному издательству, по организации народных библиотек, и по капитальному статистическому исследованию народного образования в России. По закрытии комитета правительством, был активным работником Вольного Экономического общества, в котором, *м-жду* *п<рочим>*, нес большую работу по борьбе с голодом. За председательство на съезде по техническому образованию в Петрограде, арестован и сослан в Архангельскую Губернию. По возвращении из ссылки, принимал участие в предреволюционной борьбе в начале текущего столетия. Состоял членом Союза писателей, закрытого правительством. Участвовал в демонстрации на Казанской площади, в общественных банкетах, в событиях 9 января. В эпоху первой революции технически обслуживал Петроградский Совет рабочих депутатов (в Вольном Экономическом Обществе и по другим поручениям). Состоял активным членом Бюро содействия крестьянскому Союзу, союза Союзов, Союза Освобождения. Самую большую работу вел по нелегальному Всероссийскому Учительскому Союзу, а также по нелегальной Федерации учительских союзов.

По минованию острого периода первой революции должен был проживать нелегально, вплоть до второй революции, причем, прожил все это время в Петрограде и принимал активное участие в общественных организациях и съездах. Был активным работником по организации при Петроградском Университете учительских курсов. Вступил в члены партии народных социалистов. Принимал активное участие в предреволюционных событиях второй революции и в самой февральской революции. После образования Исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов состоял его членом от партии. По поручению Исполнительного Комитета вел ответственную работу в Государственном комитете по народному образованию, поглощавшую почти все мое время. Был членом демократического Сопещания и Временного Совета Республики от Учительского Союза.

В результате переживаний, связанных с событиями октября-ноября 1917 года, я решил совершенно порвать с политической деятельностью, в течение всей моей жизни всегда занимавшей лишь второстепенное место, и посвятить остаток своей жизни исключительно научной и культурной работе по своей специальности (народное образование), имея в виду, прежде всего, заняться писанием давно уже намеченных мною крупных научных трудов в этой области. С этой целью, в виду отсутствия средств и острого продовольственного кризиса, я в 1918 году уехал из Петрограда в Новозыбковский уезд Гомельской губ*<ернии>*, где у жены моей имеется маленький хутор. Там я прожил вплоть до 1921 года.

Моя позиция в этот период революции естественно вытекала из всего моего прошлого. Я не только не принимал лично никакого участия, но и относился отрицательно по всем фактам иностранной интервенции, к восстаниям и заговорам внутри и приемам саботажа против Советской Власти и т. д. Вместе с тем, я принимал по своей специальности активное участие в работе органов Советской Власти в Новозыбкове: в должности члена коллегии Отдела Народного образования, затем в качестве члена различных комиссий Отдела и по разработке различных вопросов (разработал план Центральной Уездной Библиотеки, Уездного Музея и пр.)

С выполнением в г<орде> Новозыбкове большей части (этапов) моего нового жизненного труда и улучшением общего продовольственного положения, я решил переехать в Москву и представил в 1921 году Наркомпросу обширный детальный проект учреждения Российского Научного Института по Народному Просвещению. Однако, в виду финансового кризиса, он не получил осуществления, хотя и был принципиально принят. В октябре 1921 г<ода> я был назначен штатным профессором Московского Университета, по курсу "социальные основы Народного образования" и научным консультантом Наркомпроса. После сокращения этой должности я продолжаю безвозмездно работать в Наркомпросе по приглашению различных его отделов (по разработке плана всеобщего обучения, по разработке материалов о школах рабочих подростков, по разработке плана информационного журнала и отчета Наркомпроса и т. д.) По моему детально разработанному плану Наркомпросом учреждена в 1922 году Российская Государственная библиотека по Народному просвещению, в которой я состою научным консультантом (с октября так же безвозмездно).

За свою жизнь я написал большое число информационных и научных работ по вопросам народного образования. По регистрации научных работников я зачислен к III категории ученых Республики. Согласно принятому мною решению, почти все свои силы я посвящаю с 1918 года напряженной научной работе: заканчиваю в настоящее время третий том своего нового научного труда "Культура социальной личности", подготавливаю материалы для полной библиографии народного образования в России и для Энциклопедии Народного Просвещения.

По прибытии в Москву, как и в провинции, я не принимаю никакого участия в политических организациях и политической деятельности. После отъезда моего в провинцию (1918) партия Народных социалистов, к которой я принадлежал, фактически распалась и в настоящее время не существует. Ни к какой другой политической партии или организации я так же не примыкаю и являюсь беспартийным социалистом. По своему научному мировоззрению я являюсь монистом. Ни в каких съездах за все время пребывания в Москве, я так же участия не принимал.

В виду всего изложенного выше, совершенно не могу себе объяснить, чем можно обосновать применение ко мне столь тяжелой кары, как высылка за границу. Мера эта насильственно меня отрывает от моей научной работы, так как продолжение ее вне России, по характеру работы, невозможно в значительной ее части. Отсутствие у меня всяких средств, незнание иностранных языков и характер специальности заведомо обрекают меня на самую тяжелую жизнь в чужой стране.

Вместе с тем кара эта не менее тяжело отразится на моей семье, которую я поддерживаю материально, что дает сыну и дочери возможность сравнительно спокойно и серьезно работать над своим высшим образованием, которое они не могли закончить раньше, т<ак> к<ак> вплоть до пришедшего года оба работали по мобилизации в Советских учреждениях по Народному образованию. Наконец, мой возраст (57 лет), мое болезненное состояние и моя многолетняя научная, культурно-просветительная и революционная работа, казалось бы, дают мне право на более справедливое ко мне отношение со стороны Советской Власти. Смею думать, что при вполне лояльном отношении моем к Советской Власти абсолютно никакой опасности для нее от предоставления мне возможности спокойно заниматься научной работой у себя на родине произойти не может, и что, напротив, результаты этой работы могут внести свою долю в столь необходимую для Республики напряженную работу над поднятием ее культурного уровня.

Изъявляя свою полную готовность дать, в случае надобности, какие потребуются дополнительные разъяснения, прошу о пересмотре моего дела, об отмене состоявшегося постановления о высылке меня за границу и об оставлении меня в Москве, а, впредь до окончательного решения вопроса — о приостановке приведения в действие уже состоявшегося постановления о высылке меня за границу в двухнедельный срок (т<о>е<сть> не позднее 23-го сего ноября)

Профессор Влад<имир> Иванов<ич> Чарнолуцкий.

11 ноября 1922 года

Адрес: Москва. Б<ольшая> Грузинская, д<ом> 26, кв. 6»³.

На письме — помета секретаря юридического отдела МПКК:

«Переслал Ал<ексею> М<аксимовичу>. Тоже в ОГПУ имеется. 19/XI 22 г<ода>».

В начале декабря 1922 — Александр Иванович Чарнолуцкий обратился с прошением в Президиум ВЦИКа, поддержанное 7 декабря Анатолием Васильевичем Луначарским, наркомом просвещения.

<4 декабря 1922>

«В Президиум Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета.

Профессора Московского Университета
Владимира Ивановича Чарнолуцкого

Прошение

23 октября я был арестован по ордеру ГПУ, продержан в тюрьме почти три недели и освобожден, с объявлением о высылке за границу на три года. Поданное мною, подробно обоснованное заявление, с просьбой о пересмотре и отмене этого постановления, оставлено без последствий. При допросах мне были предъявлены лишь три следующие обвинения.

1). Обвинение в участии в "забастовке" преподавателей Московского Университета, каковая происходила, однако, почти год тому назад, не носила никакого политического характера и прекратилась без всяких репрессий по отношению к кому бы то ни было. Ни в одном собрании, предшествовавшем «забастовке», я участия не принимал. Только что назначенный тогда профессором, я был крайне слабо ориентирован в университетских делах. К самой данной "забастовке" я относился отрицательно, но когда она состоялась, и занятия в Университете временно прекратились, я не явился на одну свою лекцию.

2). Обвинение в участии в товариществе "Задруги". Названное товарищество рассматривалось мною исключительно, как кооперативная издательская организация, совершенно лишенная политического характера. Вступил я в это товарищество лишь для издания своих произведений и участие мое в его делах было крайне слабое; никакого влияния на их направление я не имел.

3). Обвинение в том, что я состою членом Центрального Комитета партии народных социалистов. Однако, факт этот относится еще к временам царского правительства и февральской революции; с 1918 года всякая моя связь с названной партией прекратилась, а сама партия с тех пор фактически распалась и в настоящее время не существует. Очевидно, что предъявление ко мне изложенных обвинений носит чисто формальный характер и не может служить основанием для репрессивных по отношению

³ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 8. С. 35-38. Автограф.

ко мне мер. Ясно, что истинной причиной постигшей меня кары является или предвзятое общее отношение к моей личности, совершенно не соответствующее действительности и относящееся к прошлому, или какое-либо недоразумение, разъяснить которое, вследствие его неизвестности для меня, я не имел и не имею возможности. Ввиду этого, я могу только представить Президиуму общие факты, характеризующие мою общественную физиономию и самым решительным образом вопиющие против возможности применения ко мне изложенной выше кары.

Вся моя жизнь была посвящена, главным образом, научной и культурно-просветительной работе, причем, однако ж, я принимал также активное участие в общественной и революционной борьбе с царским правительством. Принимал я активное участие и в февральской революции и состоял членом Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, по поручению которого вел ответственную работу в Государственном Комитете по Народному образованию. В результате переживаний, связанных с событиями октября-ноября 1917 года, я решил совершенно порвать с политической деятельностью и посвятить остаток своей жизни исключительно научной и культурной работе по своей специальности (народное образование), имея ввиду прежде всего отдалиться писанию давно уже намеченных мною крупных научных трудов. С этой целью, ввиду острого продовольственного кризиса, я в 1918 году уехал из Петрограда в Новозыбковский уезд Гомельской губернии, где и прожил вплоть до 1921 г<ода>. Во весь этот период я не только не принимал лично никакого участия, но и относился отрицательно ко всем формам иностранной интервенции, к восстаниям и заговорам внутри, к приемам саботажа против Советской власти и т<ак> д<алее>. Вместе с тем, я принимал по своей специальности посильное участие в работе местных органов Советской Власти. С выполнением большей части (3 томов) моего нового научного труда, я решил переехать в Москву и представил в 1921 г<оду> Наркомпросу детальный проект учреждения Российского Научного Института по народному просвещению. Однако, в виду финансового кризиса, он не получил осуществления, хотя и был принципиально принят. В октябре 1921 года я был назначен штатным профессором Московского Университета по курсу "Социальные основы народного образования", который, насколько мне известно, является существенной кафедрой во всех университетах Республики по этой отрасли научного знания. Вместе с тем, я был назначен научным консультантом Наркомпроса, а после сокращения этой должности я продолжаю безвозмездно работать в Наркомпросе по приглашению различных его отделов. Мною разработаны для Наркомпроса, м<ежду> п<рочим>, следующие, уже проводимые в жизнь, детальные проекты: Российской Государственной Библиотеки по народному просвещению, Центрального Справочного Бюро по народному просвещению, Ежегодника народного просвещения и др<угие>.

За свою жизнь я написал большое число научных и информационных работ по вопросам народного просвещения; по регистрации научных работников, я причислен к III разряду ученых Республики. Все последние годы я посвящаю свои силы исключительно напряженной научной работе: заканчиваю в настоящее время четырехтомный научный труд "Культура социальной личности", подготавливаю материалы для полной академической библиографии народного образования в России и разрабатываю детальный план энциклопедии народного просвещения. В политических организациях и политической деятельности я с 1918 года абсолютно никакого участия не принимал, не принимаю и не намереваюсь принимать. По своему социальному мировоззрению я являюсь беспартийным социалистом, а по научному мировоззрению — монистом.

В виду всего изложенного выше, я совершенно не в состоянии понять,

чем можно обосновать применение ко мне столь тяжелой для меня кары, как высылка за границу. Мера эта насильственно отрывает меня от моей научной работы, так как продолжение ее вне России, по характеру моей специальности, в значительной степени невозможно. Я уже не говорю о том, что мера эта, без всяких с моей стороны поводов, ставит и меня, и мою семью в чрезвычайно тяжелое положение. Особенно обостряет это положение незнание мною иностранных языков. Мой возраст (57 лет), мое болезненное состояние и моя многолетняя (свыше 30 лет) научная, культурно-просветительная и революционная работа, казалось бы, дает мне право на более справедливое ко мне отношение со стороны Советской Власти, возникшей в результате долгой и тяжелой народной борьбы, в которую и я внес за свою жизнь посильную лепту, испытав за это во время царского правительства и высылки и ссылку, и тюремное заключение, и нелегальную жизнь в течении всего периода от первой до второй революции. Смею думать, что при вполне лояльном отношении моем к Советской власти, абсолютно никакого вреда для нее от предоставления мне возможности спокойно заниматься научной работой у себя на родине произойти не может, и что, напротив, результаты этой работы внесут свою долю в столь необходимую для Республики творческую культурную деятельность.

Изъявляя свою полную готовность дать, в случае надобности, какие потребуются дополнительные разъяснения, я прошу Президиум отменить совершенно для меня непостижимое постановление о высылке меня за границу и оставить меня в Москве, а впредь до окончательного решения вопроса, я прошу приостановить приведение означенного постановления в исполнение.

Профессор Влад<имир> Иван<ович> Чарнолуский
4 декабря 1922 года.

Адрес: Москва, Б<ольшая> Грузинская ул<ица>, д<ом> 26, кв. 6.

Со своей стороны поддерживаю ходатайство В. И. Чарнолуского

Нарком по просв<ещению> <А. Луначарский>
7/XII»⁴.

В декабре 1922 — высылка Владимира Ивановича Чарнолуского была отменена, в середине 1920-х — он сотрудничал в научных институтах Наркомпроса, преподавал в 1-м и 2-м МГУ, с 1924 — профессор; опубликовал ряд научных работ по вопросам народного образования и экономического просвещения. В конце 1920-х — посвятил себя библиотековедению и библиографии, в 1928-1933 — работал главным библиотекарем Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, с 1935 — доктор педагогических наук; с 1938 — председатель секции педагогической библиографии Книжной палаты СССР. В конце 1930-х — предложил создать в Академии наук СССР секцию для разработки теоретических основ педагогики и народного образования. 2 ноября 1941 — скончался в Пушкино Московской области⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 8. С. 40-41. Машинопись, подпись и дата автора письма, а также ходатайство и подпись Луначарского — автографы.

⁵ Чарнолуский, Владимир Иванович... ru.wikipedia.org/...